

www.dontsova.ru ● ● ●

Дарья Донцова

Эта горькая Сладкая Месть

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Эта горькая сладкая месть

«ЭКСМО»

2000

Донцова Д. А.

Эта горькая сладкая месть / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2000 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

ISBN 5-04-005770-9

Жизненная установка детектива-любителя Даши Васильевой – если не я, то кто же?.. Став случайной свидетельницей убийства Кати Виноградовой, которой поставили капельницу со смертельной дозой сердечного препарата, Даша бросается на поиски преступника. Узнав, что у убитой есть сын, посаженный за преступление, которого он не совершал, Даша решает помочь ему освободиться. Но тут дело принимает неожиданный оборот – чья-то безжалостная рука одного за другим убирает свидетелей, так или иначе связанных с убитой и ее сыном. Очередь доходит и до Даши – она слишком много раскопала. Однако не так просто справиться с этой хрупкой, но такой изворотливой женщиной...

ISBN 5-04-005770-9

© Донцова Д. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дарья Донцова

Эта горькая сладкая месть

Все имена и фамилии в этой книге вымышлены. События, описанные в романе, никогда не происходили в действительности. Любое сходство с реально существующими людьми и обстоятельствами – всего лишь мистическое совпадение.

ГЛАВА 1

Болезнь всегда приходит не вовремя. Только что строила разнообразные планы на лето, перелистывала с детьми рекламные буклеты, как вдруг... бац – и все разом переменялось. Две недели тому назад обнаружила на плече непонятную шишку. Минут пять разглядывала «украшение», потом махнула рукой: выросла, и черт с ней. Но непонятная штука стала быстро увеличиваться в размерах, болеть и отчаянно чесаться. Делать нечего, пришлось нехотя брести к врачу.

Милейшая Татьяна Наумовна осмотрела плечо, быстро переглянулась с медсестрой и фальшиво-бодрым голосом произнесла:

– Деточка, это совершенно ерундовая болячка, у каждого второго появляется. Липома – вполне доброкачественное образование. Но все же следует сходить в специальный диспансер, показаться онкологу и сдать пункцию. Еще раз повторяю, абсолютно уверена в невинности опухоли, но, чтобы не роились подозрения...

И, отводя глаза в сторону, терапевт принялась выписывать кучу бумажек. Через десять минут я в легком обалдении уже стояла в коридоре у двери ее кабинета, держа в руках кипу направлений. Пять анализов крови! Так, понятно: реакция Вассермана, СПИД, общий клинический, на сахар...

А это что: на австралийского кролика? Боже, врач предполагает, что в моем организме завелись зайцевые? Или в лаборатории попросят капать кровью на морду длинноухому? Последний листок оказался самым неприятным. Сверху стояло: «В онкологический диспансер». И адрес – улица Кати Мельниковой. Да это же совсем рядом, прямо за углом. Может, поехать и сразу все выяснить? А то буду мучиться неизвестностью, не спать ночь...

Я завела «Вольво» и порулила в диспансер. Он располагался на первом этаже большого кирпичного дома. Гардероб не работал. Но май в нынешнем году холодный, на мне была куртка, пришлось снять ее и нести в руках. Как-то не очень удобно входить в медицинское учреждение в верхней одежде. Но здесь, судя по всему, такие мелочи никого не смущали. Возле кабинетов сидели люди в плащах, а некоторые даже в пальто.

В регистратуре полная старуха болтала по телефону:

– Сначала добавь воды, потом три яйца...

– Простите, – робко сказала я, – как...

– Не видите, разговариваю, – окрысилась регистраторша и продолжала диктовать рецепт.

Пришлось ждать, за спиной образовалась очередь из тихих людей. Наконец баба шмякнула трубку на рычаг и глянула на всех волком:

– Ну!

Я просунула в окошко направление.

– И чего ходят без конца, нет чтобы дома сидеть! – залаяла милая старушка и отбросила бумажку назад.

Взяв листок, я повертела его и спросила:

– Куда идти?

– Там написано! – рявкнула бабушка.

Приглядевшись повнимательней, я увидела в уголке крохотную циферку 2. Робкие люди за мной не проронили ни слова, они покорно ждали своей очереди. Сжимая листочек, я принялась искать второй кабинет. Пришлось пройти длинный кишкообразный коридор. Дверь нужной комнаты оказалась последней, ее украшала табличка «Онколог Шаранко».

Просидев в очереди около двух часов, я попала наконец в руки докторицы. Маленькая, личико в красных пятнах, одни очки на носу, и еще две пары лежат на столе.

– Ну! – мило обратилась она к больной.

Наверно, в диспансере это приветствие такое, вместо «здравствуйте». Я отдала бумажку. Докторша подняла маленькие глазки:

– Ну?

– Что? – растерялась я.

– Ну? – повторила эскулапша. – Так и будем сидеть? На лбу-то у вас ничего нет, раздвайтесь!

Я вылезла из кофты. Не помыв рук, онкологиня потрогала шишку и вынесла вердикт:

– Рак кожи, меланома, идите сдавать пункцию в процедурный кабинет.

Ноги подкосились, и в ушах зазвенело. Меланома! Самый страшный на сегодня вид рака, практически не лечится, медленная, тяжелая смерть!

– Что сидите-то, – проворчала врачиха, – топайте в пятый кабинет, да скажите в коридоре больным, что полчаса приема не будет. Хочу чаю выпить, а то ходят толпами, надоело.

Я вывалилась в коридор и трясущимися пальцами принялась тыкать в кнопки телефона. По счастью, сын оказался дома. Услышав ужасающие новости, он строго приказал:

– Жди, никуда не двигайся.

Я рухнула в продавленное, ободранное кресло и закрыла глаза. Сейчас приедет Аркашка, сейчас он что-нибудь придумает, сейчас все будет хорошо. Кто-то произнес:

– Вам плохо?

Я разлепила веки. Из соседнего кресла мне улыбалась милая молодая женщина в аккуратном парике.

– Вам плохо? – повторила она. – Не отчаивайтесь, сейчас рак лечат. Вот, посмотрите на меня. Сделали три операции, и здорова абсолютно. Сегодня последний раз капельницу поставят, и все. А что облысела, так это ерунда.

– Как облысела? – ужаснулась я. – Это что, обязательно – лысеть?

Милая дама вздохнула:

– Меня зовут Катя, а вас?

– Даша.

– Дашенька, поглядите вокруг.

Я осмотрелась. Действительно, почти все женщины в паричках, кое-кто в платочках, несколько стриженных под бобрик девушек.

– Последствия химиотерапии, – пояснила Катя, – зато все живы. А волосы не зубы, вырастут. У вас что?

– Меланома, – дрожащим голосом пробормотала я, – вот только что доктор посмотрела и сказала.

– Шаранко?

Я кивнула.

Катюша заулыбалась:

– Не пугайтесь, так диагноз не ставят. Сделают пункцию, да и она на сорок процентов врет, не отчаивайтесь. Шаранко совсем слепая и дура. Недавно в регистратуре карточки перепутали, так наша доктор принялась было больную от рака печени лечить. Назначила уколы,

хорошо, пациентка опытная, не первый год сюда ходит. Вовремя заметила и напоминает: «Доктор, у меня рак молочной железы».

– Зачем же она меня так сразу огорошила?

– Господи, – всплеснула руками Катюша, – я же вам сказала, она – дура. И вообще, здесь с нами так разговаривают! Мне в прошлом году химиотерапевт прямо заявила: «Вам две недели жить осталось». И что? Совершенно здорова. Так что не верьте им, лучше садитесь спокойно и ждите пункцию. Здесь по двое запускают. Вот вместе и пойдем – я на капельницу, вы на укол.

От сердца чуть-чуть отлегло, и я вздохнула. Вдруг в коридоре возникло оживление. По грязному линолеуму чуть ли не вприпрыжку бежала неприветливая старуха из регистратуры.

– Сюда, сюда, голубчик, – пела она сладким голосом, – вам в этот кабинетик, тут сама Аделаида Петровна принимает. – За регистраторшей, улыбаясь, вышагивал мой сын Аркадий.

Кешку не потеряешь ни в одной толпе – рост сто девяносто пять. Но что он сделал с бабкой, отчего она светится вся, подпрыгивает и чуть ли не поет от счастья?

Не обращая на меня внимания, сын шагнул в кабинет. Минут через пять дверь снова отворилась, и в коридор выплыла доктор. Высокая, холеная, лет пятидесяти пяти. В ушах и на пальцах приятно мерцали бриллианты. Онкологиня обвела накрашенным глазом присмиривших больных, сфокусировалась на мне и тоже сладко запела:

– Дарья Ивановна, прошу.

Через секунду я стояла в большом кабинете. Аделаида Петровна – так отрекомендовалась дама – тщательно вымыла руки и приступила к осмотру. Потом сообщила:

– Ну, дорогие мои, скорей всего волноваться нечего. Процентом девяносто за то, что на плечике у нас липома, то есть такой миленький жировичок, абсолютная ерунда. Но раз вы здесь, следует сделать пункцию.

– Но доктор Шаранко... – начала я.

– Не надо, не надо, – замахала руками Аделаида Петровна. – Забудем мадам Шаранко, как страшный сон. Если что, ходить станете только ко мне. А теперь в пятый кабинет.

Мы вышли в коридор и сели у дверей.

– Какая милая женщина, – радостно сказала я.

Кешка хмыкнул.

– Почему меня сразу к ней не направили, а послали к этой ужасной Шаранко?

Кешка захихикал.

– Ну, мать, ты даешь. Разве можно так разум терять? Поделится с ними частью коллекции.

– Какой коллекции? – оторопела я.

– Портретов американских президентов, знаешь, на таких зеленых бумажках!

– Но ведь онкологических больных лечат бесплатно!

Кешка вздохнул.

– Сходила к Шаранко бесплатно. Понравилось?

– Нет.

– Ну, так молчи, денег, что ли, нет?

Деньги у нас как раз есть, причем немалые. Получили мы их весьма необычным образом. Корни истории уходят в конец семидесятых годов, когда я однажды под Новый год задержалась на работе. Преподавала тогда французский язык в техническом вузе, бегала по частным урокам и вечно пыталась связать концы с концами. Но они упорно развязывались. Наша лаборантка Наташа, плача, рассказала мне, что развелась с мужем, ушла из дома и спит теперь на кафедре. Я пожалела дурочку и позвала к себе. Несколько лет мы радостно прожили вместе, воспитывая двух моих детей: четырнадцатилетнего Аркадия и годовалую Маню. Но потом вдруг приключилась невероятная история. Наташка неожиданно вышла замуж за француза и

укатила во Францию. Теперь ее следовало величать госпожа баронесса Макмайер. Нечего и говорить, что я вместе с детьми и молодой невесткой получила предложение приехать в гости.

Не успели мы очутиться в столице моды, как события посыпались, словно из рога изобилия. Жана Макмайера, супруга Наташки, убили. В руки вдовы попало немалое состояние: трехэтажный дом в предместье Парижа, коллекция картин, хорошо налаженный бизнес. Поколебавшись, члены семьи решили сначала стать эмигрантами, но тут вышел новый закон, разрешающий двойное гражданство. Теперь живем на два дома, вернее, на две страны: полгода в Москве, полгода в Париже. Вместе с нами катаются туда-сюда дети и домашние животные. И тех, и других у нас много. Аркадий – счастливый отец двух очаровательных близнецов: Ани и Вани. Тринадцатилетняя Маша хочет стать ветеринаром и рисует жуткие, но почему-то пользующиеся спросом картины.

Живем мы в собственном двухэтажном доме возле Кольцевой дороги. Вместе с нами обитают пять собак: питбуль Банди, ротвейлер Снап, английский мопс Хуч, йоркширский терьер Жюли и пудель Черри. Начиналась коллекция псов с пита и ротвейлера. Их купили для охраны. Но, увы, ничего не вышло. И Банди, и Снап самозабвенные обжоры. Пасти страшных охранников вечно заняты какой-нибудь вкуснятиной. Поэтому любой, предлагающий лакомство, автоматически становится другом, а едят они все, особо не кривляясь: сыр, творог, яйца, печенье, суп, оладьи, чипсы, соленые огурцы и орехи. Человека, первый раз пришедшего в дом, псы встречают, отчаянно крутя хвостами и заглядывая в руки. Им и в голову не придет залаять или оскалить зубы.

Йоркширскую терьершу Жюли привезла с собой в дом няня Серафима Ивановна, нанятая для близнецов. Пуделиху Черри в пятимесячном возрасте оставил на недельку близкий приятель, уезжавший в командировку. С тех пор прошло пять лет, а он так и не вспомнил про собачку. Хуч... Появление Хуча – особая история, о ней в другой раз.

– Мать, – засопел в ухо Аркадий, – ты что?

– Ничего, просто задумалась.

Кешка посмотрел на меня с жалостью. Потом вздохнул и пошел в процедурный кабинет. Через минуту выглянула медсестра. Очевидно, она не привыкла улыбаться, потому что губы растянула до ушей, но в глазах сохранила холод Арктики.

– Васильева! – крикнула девушка.

Я поглядела на притихшую Катюшу.

– Пойдемте.

– Меня не звали, – вздохнула женщина.

– Ладно, пошли, сами же говорили, что входят по двое.

Мы вдвинулись в довольно большое помещение с огромными окнами. Посередине комнаты стояла ширма, делящая кабинет на две части. В первой находилась кушетка, на которую было велено лечь Катюше. Во вторую проводили меня и усадили на стул. Медсестра погромела какими-то железками в лотке и недовольно пробормотала:

– Опять унесли.

Потом вздохнула и объявила:

– Вы тут подождите обе, я скоро.

Шаркая тапками, она вышла в коридор. Мы с Катюшей молчали: она на кушетке, я на стуле. Болтать не хотелось, да и ситуация не располагала. В дырочку между складными частями ширмы было хорошо видно Катю, ее бледное лицо и аккуратный кудрявый паричок.

Вдруг дверь распахнулась, в кабинет вошла другая медсестра. Высокого роста, лицо закрыто хирургической маской, довольно крупное тело затянато в чуть тесноватый халат, на ногах не тапочки, а ботинки. В руках женщина держала большую бутылку. Не говоря ни слова, вошедшая вставила принесенный сосуд в штатив, ухватила Катю за руку и воткнула иглку.

Больная ойкнула и спросила:

– Вы новенькая? А где Галя? Мне всегда она химию колет.

Медсестра молча наладила капельницу и почти убежала из кабинета. Что-то было в ней странное.

– Какие они здесь все нелюбезные! – крикнула я.

– Да уж, – согласилась Катенька, – лишнего слова не скажут, лают как собаки, а все потому, что мы бесплатные. Вот девица, например, что сейчас приходила, явно новенькая, а тоже злая.

– Почему думаете, что новенькая?

– Хожу сюда почти год, всех знаю, а эту первый раз вижу.

Она замолчала. Я огляделась по сторонам. Шкафчик с какими-то лекарствами, названий которых никогда не видела: циклофосфан, зофран, методрексат.

– Пункцию больно делать? – обратилась я снова к Катюше.

Та молчала. Я глянула в дырочку и обомлела: лицо женщины приобрело странный синеватый оттенок, на лбу блестели крупные капли пота. Рот судорожно подергивался.

Я выскочила из кабинета и бросилась к приветливой Аделаиде Петровне.

– Сейчас приду, – пообещала та.

Я понеслась назад. Катюше стало совсем плохо. Наклонившись над ней, я услышала хриплый, прерывистый шепот:

– Сумка, возьми, отдай, Виолетта, страшная, страшная, отдай...

Женщина захрипела, изо рта потекла пена. Вошедшая Аделаида Петровна моментально выдернула капельницу и принялась делать искусственное дыхание. Откуда ни возьмись принеслась куча народа. В несчастную Катюшу втыкали шприцы, громыхали какие-то аппараты. Потом ворвались двое мужчин с чем-то похожим на утюги, стали прикладывать к голой груди бедняжки и кричать: «Разряд!» Тело подпрыгивало на кушетке, но на мониторе по-прежнему ползла прямая линия. Тут медики заметили меня и незамедлительно выгнали в коридор.

Я села возле кабинета, крепко сжимая две сумочки – свою и Катюшину. Примерно через полчаса появились санитары с носилками, на которых лежало тело, с головой закрытое простыней. Аделаида Петровна высунулась в дверь и поманила меня пальцем. Как агнец на заклатание, вошла я снова в уже знакомую процедурную. На кушетке валялись грязные, скомканные простыни, стоял ужасный запах. Медсестра Галя рыдала у окна, судорожно повторяя:

– Не ставила капельницу, ей-богу, не ставила. Пошла в аптеку...

– Прекрати, – оборвала стенания врач, – что, по-твоему, больная сама себе инъекцию ввела? И как можно перепутать бутылки? Что ты ей впустила, ну!

Бедная Галя затряслась как осиновый лист и зарыдала пуше. Я решила вмешаться.

– Это не Галя делала укол!

Аделаида Петровна уставилась на меня во все глаза.

– А кто? Святой дух?

– Нет, конечно. Вошла женщина в белом халате и маске, наладила капельницу и ушла, я все в дырку видела!

Галя подскочила ко мне и схватила за руку:

– Пожалуйста, миленькая, дорогая, душенька, дайте свой адрес и телефон, вы единственный свидетель!

Я отдала ей визитную карточку. Аделаида Петровна промокнула кружевным платком вспотевший лоб, сама сделала мне пункцию, оказавшуюся самым обыкновенным уколом, и усталым голосом протянула:

– Вот ведь как бывает! Столько операций выдержала, шесть курсов химии! И на последнем уколе – аллергический шок! Ничего поделать не смогли.

– Отчего это? – осторожно поинтересовалась я, глядя, как доктор аккуратно упаковывает пробирку с какой-то жидкостью.

– Вскрытие покажет, – сообщила онколог, – скорей всего перепутали бутылки и ввели что-то совершенно неподходящее. Дело подсудное. Никак не пойму, что за медсестру вы видели? Высокая, крепкая, в хирургической маске?

– Да.

– Нет у нас таких. Девочки мелкие, маски не носят. И потом, в диспансере четкое разделение труда. Галя работает только в процедурном. Она делает уколы и капельницы. В другую смену приходит Лена. Больше никто не имеет права сюда даже заходить.

Покачивая головой, Аделаида Петровна проводила меня почти до выхода. У подъезда в машине сидел Кешка. Мы поехали домой цугом – сын впереди в «Мерседесе», мать позади него в «Вольво». Конечно, он на бешеной скорости умчался вперед. Я же, как всегда, тащиась в правом ряду. Ну боюсь гонять по улицам, да и вижу не слишком хорошо.

Сегодня голова была занята не дорогой. Перед глазами вставала веселая, радующаяся жизни Катюша, потом возникла кушетка, медсестра... Стоп! От неожиданности нога сама собой нажала на тормоз. «Вольво» покорно замерла. Сзади раздались гудки и нетерпеливый крик. Но мне было все равно. Я поняла, что показалось странным в облике девушки – ботинки! На ногах у вошедшей были самые обычные полуботинки черного цвета на шнурках, размера эдак сорок пятого. Ну покажите хоть одну даму с такой ножкой! Значит, капельницу наладил мужчина!

ГЛАВА 2

Утром спустилась в столовую абсолютно разбитая. Мерзкая шишка, после того как ее щупали и втыкали в нее иголки, принялась немилосердно болеть. Результаты анализов придут только через десять дней, а вдруг и впрямь меланома? Что тогда? Аркашка, правда, уже взрослый, но Маруся совсем ребенок, только-только тринадцать исполнилось. Полная грустных раздумий, я принялась пить кофе, и тут на глаза попалась сумочка Катюши. Что она бормотала перед смертью? Надо отдать какой-то Виолетте? Что отдать?

Руки сами собой потянулись к потрепанной сумке из искусственной кожи и открыли замок. Небогатое содержимое вывалилось на стол. Расческа, дешевая губная помада, сильно припахивающая вазелином, связка ключей, носовой платок, пара мятных леденцов, кошелек и паспорт.

На первой страничке бордовой книжечки стояло: Виноградова Екатерина Максимовна, год рождения – 1959-й. Надо же, мы почти ровесницы, а как отлично выглядела убитая, ни за что не дала бы женщине больше тридцати пяти. Штампа о бракосочетании не было, зато в графе «Дети» обнаружился Виноградов Роман Иванович, 1978 года рождения. Так, все более или менее ясно. Мать-одиночка. Интересно, сообщили ли Роману о смерти Кати? Вдруг мальчишка всю ночь разыскивал пропавшую мать? Потом, у бедняжки, вполне вероятно, есть отец и мать, представляю, как они волнуются.

Заглянула в кошелек – проездной на метро, десять долларов, двести рублей и куча пробитых талончиков. Копеечная сумма, а вдруг – последняя? Катюша совершенно не походила на богатую даму: простенький свитерок, старенькая юбочка!

Нет, надо ехать к ней домой, отдать сумку и заодно разузнать, кто такая Виолетта.

Жила несчастная женщина на Зеленой улице. Каскад белых блочных башен постройки семидесятых годов выглядел удручающе. Поплутав минут пятнадцать среди домов с одинаковыми балконами, я наконец нашла нужный подъезд. Никакого домофона нет и в помине, стены на лестнице исписаны надписями «Мишка – казел» и «Спартак» – чемпион». В лифте кто-то сжег кнопки, но сама машина, кряхтя и вздрагивая, доставила меня на девятый этаж.

Квартира двести семьдесят пять оказалась в самом конце коридора. Я позвонила один раз, потом другой, третий – тишина. Дома явно никого не было. Из-под двери немилосердно дуло, скорей всего в помещении открыты форточки. Ну и что делать? Куда все подевались?

Постояв минуту в задумчивости, я вытащила ключи. Войду внутрь, оставлю на видном месте сумку и напишу записку. Замок был самой простой конструкции, такой и пальцем открыть можно. Я втиснулась в узенький темный коридорчик и громко крикнула:

– Есть кто дома?

В ответ – ни звука. Только слышно, как в кухне капает из крана вода. Нашарив рукой выключатель, я нажала на панель: раздался тихий щелчок, и свет экономной 40-ваттной лампочки осветил маленькую вешалку. Крючки пустые, внизу только одна пара сильно поношенных красных тапочек. Сняв для порядка сапоги и куртку, я пошла бродить по квартире и с первых же минут поняла, что жила Катюша одна.

Комнат было всего две. Одна побольше, очевидно гостиная. Диван, два кресла, болгарская «стенка», простенький отечественный телевизор. На полках – тьма дамских романов: «Любовь слепа», «Люби меня вечно», «Страстная маркиза».

Да, очевидно, бедняга не имела любовника.

Потертый палас и самые простые занавески довершали сей убогий пейзаж.

Вторая комната поменьше. Тут тоже стоял диван, большой гардероб, висело несколько полок с учебниками по автоделу.

В кухне, микроскопической, но до невероятности аккуратной, тосковал на плите слегка оббитый чайник. В шкафчиках – минимум посуды. Да, ужасная, неприкрытая бедность. На столе лежал конверт. Я поглядела на обратный адрес: город Пожаров, седьмой отряд, Виноградову Роману Ивановичу, УУ2167.

Понятно. У бедной Катюши сын отбывал срок на зоне. Пальцы сами вытащили письмо, глаза побежали по тексту. «Дорогая мамочка. Передачу получил. Большое спасибо, но не надо так тратить. В другой раз вместо шоколадных конфет пришли карамелек, лучше сигарет побольше. А еще передай кусок мыла, пару носков и несколько футболок. Жду не дожусь, когда ты приедешь на свидание. Очень волнуюсь о твоём здоровье. Мамулечка, не расстраивайся, справедливость восторжествует, Виолетта сдохнет, а меня освободят. Жду писем. Рома». Я медленно сложила письмо и сунула в карман. Жаль парнишку. Всего двадцать лет – и уже в тюрьму попал. Интересно, сообщили пареньку о смерти матери? И что с ним теперь будет? Судя по всему, у Романа никого, кроме мамы, нет. На письме стояла дата – 3 апреля, а сегодня 16 мая. Не похоже, что мальчишка настоящий уголовник, о матери беспокоится. Что же это за Виолетта такая?

Домой я приехала к двум часам. Аркадий как раз опустил ложку в суп.

– Мать, где шлялась? – спросил он строгим голосом.

– Тебе надо было становиться не адвокатом, а прокурором, – парировала я.

Кешка захихикал.

– Ну уж нет, прокурору, бедняге, где заработать, разве что взятки брать. А нам, адвокатам, хватает на хлеб с котлеткой.

Я вздохнула. Кешка совсем недавно получил диплом и за спиной имел пока одно, правда успешное, дело. Подзащитный – мелкий, неудачливый жулик – еле-еле наскреб триста долларов на гонорар «Перри Мейсону». Смехотворная сумма, но Аркадий раздулся от гордости, как индюк. Впрочем, лиха беда начало, не все ведь сразу стали Генри Резниками.

– Кешик, а где можно узнать адрес колонии?

– В ГУИНе, – пробормотал юрист с набитым ртом, – Главном управлении исполнения наказаний, на Бронной, возле «Макдоналдса», а зачем тебе?

По счастью, в этот момент в столовую влетела Маня, моя дочь и сестра Аркадия. Хотя называть Аркадия и Маню родственниками – неверно. Кешка на самом деле приходился сыном моему первому мужу, но при разводе почему-то остался со мной. Марусю принесло мне четвертое замужество. Мы с ее отцом Андрюшей Куловым прожили всего ничего – меньше двух лет. Потом он с новой женой собрался эмигрировать в Америку. У моей заместительницы оказалась восьмимесячная дочь. «Ну не тащить же младенца с собой, незнамо куда, – рассуждал Андрюшка. – Дашка, будь человеком, пригляди за девчонкой месячишко-другой. Как устроимся, заберем».

С тех пор прошло тринадцать лет. За эти годы из маленького провинциального городка Юм штата Айова пришло только одно письмо. Андрей сообщал, что Машина мать умерла, он женился вновь и ребенок ему ни к чему. В конверте лежало свидетельство о смерти. Целый год я оббивала пороги разных учреждений, добиваясь разрешения на удочерение. Когда Марусе исполнилось двенадцать лет, мы с Кешкой рассказали ей правду. Маня фыркнула, дернула плечиком и заявила:

– Совершенно все равно, из какого живота я выползла на свет, мамуля.

С тех пор вопрос больше не поднимался никогда. Не слишком близкие знакомые порой удивляются, до чего не похожи друг на друга мои дети. Кешка – высокий, худой, с журавлиными ногами. Его каштановые волосы вьются картинными кудрями, глаза необычного орехового оттенка. В детстве он доводил нас с Наташкой почти до обморока, отказываясь от любой еды. На какие только ухищрения мы не пускались: делали мышей из яиц и хлеба, плясали перед ним за съеденную кашу, надевали старую бабушкину шубу и бегали по кухне на четвереньках,

изображая тигра. Все без толку. Один раз решили оставить его в покое. Не ест, и ладно – в конце концов проголодается. Через три дня подвели итог – за все время мальчик уложил в желудок два яблока и калорийную булочку. Просто кошмар!

Маня – полная противоположность. Толстенькая блондиночка с огромными голубыми глазами. Ест она, как молодой волчонок, – все подряд, и побольше, пожалуйста. Никакие доводы в пользу стройной, красивой фигуры на нее не действуют. На письменном столе громоздятся пустые пакеты из-под чипсов и банановые шкурки. Больше всего девочка любит лакомиться чем-нибудь вкусненьким перед сном, в кровати. Наша сверхаккуратная домработница Ирка только вздыхает, глядя на вымазанные шоколадом наволочки и пододеяльники. Кешка разговаривает тихим голосом, а Маня всегда кричит. Сын любит лечь около десяти и встать в восемь, Маруська до двенадцати читает книжки и, если не разбудить, продрыхнет до часу дня. Полярно разные во всем, они нежно любят друг друга.

– Мамусечка, – заорала Манюня, – как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, детка!

– Знаешь что, – возвестила дочь, азартно работая ложкой, – нам в Ветеринарной академии сказали, что онкология не болит и не чешется, так что у тебя точно липома, отрежут – и все.

Я содрогнулась. Совершенно не хочу, чтобы от меня что-нибудь отрезали, даже липому! В столовую легким шагом вошла Ольга, жена Аркашки. Зайчик, так зовут женщину домашние, сурово взглянула на мужа и гневно спросила:

– Кто разрешил Ваньке съесть целую шоколадку?

Аркашка смущенно заерзал на стуле, потом попробовал подлизаться к супруге:

– Заинька, смотри-ка, ты так здорово похудела!

Моя невестка похожа на вязальную спицу, но отчего-то считает себя ожиревшей свинкой и вечно сидит на диете. Мелкий подхалимаж мужа не произвел на нее никакого действия.

– Кто дал Ваньке шоколадку?

– Я, – кинулась на помощь Маня, – я!

Зайка с недоверием взглянула на девочку и покачала головой.

– Какой шоколадкой угостила племянника?

– «Аленкой».

– Никогда не ври! – возмутилась Ольга. – Какой-то идиот, и я знаю, кто он, дал мальчишке гигантский «Фрутс энд натс», и теперь глупый ребенок похож на больного псориазом и все время чешется!

Ее карие глаза метали молнии. Несчастный супруг вжал голову в плечи и постарался стать ниже ростом.

– Ну я пошла, – протрубила Маня, – уроков назадавали!

И она со скоростью молнии ретировалась из столовой, за ней понеслись собаки. Зайка продолжала буравить Кешку негодующим взглядом. Я предпочла оставить поле надвигающейся битвы, решив, не откладывая, съездить в организацию с милым названием ГУИН.

В маленькой приемной не оказалось ни одного человека – ни посетителей, ни секретарши. Шесть пустых стульев, и все тут. Дверь с табличкой «Начальник» была распахнута настежь. Внутри маленькой комнаты виднелись стол и два стула. На одном сидела женщина лет пятидесяти, с приятным, интеллигентным лицом. На другом – звероподобный парень, весь в наколках.

– Подумай сам, Горюнов, – тихо говорила женщина, – кто же разрешит тебе проживать в Москве. Ты ведь у нас особо опасный, так?

– Так, – благодушно согласился парень.

– Давай я тебе материальную помощь выпишу, справку дам и в Тверь отправлю. Устроишься на работу, может, хоть чуть-чуть на воле поживешь, зубы вылечишь. А то стыд смотреть,

тридцати нет, а во рту одни пеньки. Ты уж сначала коронки поставь, а только потом за старое принимайся, а то опять в тюрьму беззубым попадешь. Воровать ведь не бросишь?

Парень задумчиво почесал в затылке.

– Имидж у меня такой – вор. А в Тверь ехать! Если бы все мусора такие были, как вы, Валентина Никаноровна, я точно бы завязал. Только вы такая одна на все МВД, взятки не берете, по зубам не колотите и как с человеком разговариваете. В Твери небось сразу бабки за прописку потребуют!

– Не говори глупостей, Горюнов, – сказала Валентина Никаноровна, – позвоню в Тверь, прослежу. Давай, иди деньги получать.

Парень шмыгнул носом и вышел в приемную.

– Следующий! – крикнула женщина.

Я вошла в кабинетик и внимательно посмотрела на начальницу. Милое, располагающее лицо, в глазах – доброта. Такой типаж скорей встретишь в школе. Этакая пожилая учительница, любимица детворы. Но в приемной ГУИНа?!

– Слушаю все внимательно, – сказала Валентина Никаноровна.

И внезапно я рассказала ей все: про диспансер, болезнь, врача Шаранко, смерть Катюши и письмо Романа. Валентина Никаноровна вздохнула:

– Ох, жаль парня. Тяжело на зоне, если дома никого. И дело даже не в том, что посылки не пришлют. Иная мать ничего, кроме лука, и не привезет, но морально поддержит. – Она порылась в большом справочнике и дала мне адрес, потом позвонила в колонию и сказала: – Андрей Михайлович, это Валентина Никаноровна из ГУИНа. Там у вас Роман Иванович Виноградов, 1978 года, в седьмом отряде. Так вот, к нему тетка собралась, а в личном деле ее нет. Она к вам подъедет... Как приедете, идите сразу к начальнику, напомните о моем звонке, а то не пустят на свидание.

Не успела она договорить, как на пороге появился коренастый паренек с букетом.

– Вот, – сообщил он радостно, – все, подчистую, и первым делом к вам.

Сзади мальчишки маячила всхлипывающая мать:

– Ну, Валентина Никаноровна, теперь ведь можете букет взять – все, освободился.

– Ладно, ладно, – засмеялась женщина, – давайте ваш веник. А ты, Ромов, смотри больше никогда с уголовниками не связывайся, дорого за глупость заплатил.

– Ой, дорого, – зарыдала в голос мать, – если бы не вы...

Я потихоньку выбралась из кабинета. Оказывается, на любой должности можно остаться человеком, жаль только, что такие люди, как Валентина Никаноровна, столь же редки в системе МВД, как алмаз «Орлов» в природе.

ГЛАВА 3

Город Пожаров совсем недалеко от Москвы. По сухой дороге «Вольво» бежала меньше часа. Загадочная УУ2167 отыскалась на окраине, возле конечной остановки трамвая. На дороге возник щит: «Стой! Режимная зона. Проезд запрещен».

Я послушно запарковала машину и пошла вдоль сплошного бетонного забора с колючей проволокой. Чуть вдали виднелось приземистое, невысокое здание из красного кирпича. Погода стояла хорошая, и у открытого окна курили молодые парни. «Зэки», – догадалась я и крикнула:

– Мальчики, скажите Роме Виноградову, что к нему тетя из Москвы приехала.

Не успел язык закончить фразу, как на территории колонии взвыла сирена. По узкой дорожке ко мне уже бежали два парня с автоматами. Их круглые, почти детские лица наполняли страшная серьезность. Впереди неслась довольно тощая немецкая овчарка.

– Руки за голову, стоять! – прокричал один.

Второй угрожающе поклацал затвором. Я растерялась:

– Вы мне?

– Тебе, тебе, – обозлился милиционер, – зачем перекрикивалась с контингентом?

– А что, нельзя?

– Давай двигай на КПП, – окончательно разозлился парень.

Мы пошли по дорожке. Солнышко припекало. Ободранная овчарка все время тыкалась носом в пакет, который я несла в руках. Машинально погладила ее по голове.

– Не смей трогать служебную собаку! – закричал конвоир.

Овчарка глянула на меня голодными глазами и опять поддела носом пакет. Я посмотрела на милиционеров. Лет им по восемнадцать, не больше, тощие шеи торчат из форменных воротничков, личики мелкие и какие-то несчастные.

– Вот что, мальчики, ваша служебно-разыскная собачка просто очень голодная. У меня в пакете лежат булочки с курагой и яблоками. Кто из вас какую хочет?

– Мне с яблоками, – быстро сказал сердитый.

– Вечно тебе повкусней достается, – заныл второй.

Собака уселась на пыльную дорогу и начала бешено мести хвостом. Я открыла пакет и вытащила сдобу. Парни проглотили угощение разом, почти не жуя. Потом запили «Спрайтом» и осторожно закурили незнакомый «Голуаз».

– Где уж тут ее прокормить, – тоскливо сказал один из конвоиров, глядя, как голодная собака облизывается, проглотив булку, – на нее вообще сорок копеек в день положено. Другая бы кошек переловила, а эта дура с ними играет. Спасибо, контингент иногда от передач отсыпает, а то бы подохла, бедолага.

Парни вскинули автоматы и повели арестантку на КПП. Круглолицый румяный дежурный долго ругал меня, но, услышав, что приехала к начальнику, да еще с рекомендацией из ГУИНа, вздохнул и позвонил по телефону. Через пару минут залязгали железные двери, появился солдатик, и мы пошли в административный корпус.

Андрей Михайлович, начальник колонии, высокий мужик лет пятидесяти, встретил меня довольно неприветливо. Он снял фуражку, вытер вспотевшую лысину и буркнул:

– Ну, зачем приехали?

– Хочу повидать Романа Виноградова.

– Свидания только по субботам и воскресеньям.

– Видите ли, я из Москвы...

– Да хоть из Нью-Йорка, правила для всех одинаковы.

Надо же какой неприступный, ну не предлагать же ему денег! Хотя можно попробовать по-другому. Я мило улыбнулась и сладко запела:

– Уважаемый Андрей Михайлович. Может, смогу чем-нибудь помочь колонии, оказать, так сказать, гуманитарную помощь. Хотите, книг в библиотеку привезу.

– Да к чему они нам, – вздохнул начальник, – вот лучше...

– Что?

– Краски масляной для стен и пола.

– Сколько?

– Ну, – замылся полковник, – в зависимости от материальных возможностей, банки две-три, и розеток электрических, шпаклевки, побелки – в общем, стройматериалов.

Я поглядела на его потное лицо.

– Сейчас съезжу в город, куплю. Разрешите тогда свидание?

– А как же, – обрадовался собеседник, – и передачку сможете отослать.

Да, про передачу-то я совсем не подумала!

Магазинчик стройматериалов отыскала буквально в двух шагах от режимной зоны. Скорей всего хозяин хорошо осведомлен о проблемах лагеря, вот и устроился на бойком месте. Я смела все, что было на прилавках, – краску, мешки с побелкой и шпаклевкой, сорок розеток и еще столько же лампочек. У «Вольво» огромный багажник, но нечего было и думать о том, чтобы запихнуть туда все покупки. Пришлось возвратиться к начальнику.

Услышав о проблеме, Андрей Михайлович с трудом скрыл ликование:

– Сейчас, сейчас! – И схватился за телефон.

Через пару минут в кабинете стояло пять парней в камуфляже.

– Поступаете в распоряжение Дарьи Ивановны, – строго приказал полковник.

Мальчишки покорно побрели за мной. Часть банок и мешков мы запихнули в багажник, отвезли по месту назначения и вернулись за следующей порцией. Устав, я облокотилась на капот и со вкусом закурила.

– Мамаша, – робко сказал один из парней, – сигаретки не найдется?

Я протянула им «Голуаз». Солдатики поглядели на незнакомую пачку, почесали в затылке и аккуратно вытащили курево.

– Ребята, а что в передаче на зону посылают?

Помощники оживились.

– Ой, чего только не передают. Тут один мошенник сидит, так такое получает: и бекон, и кофе, и сгущенку. Даже рыбу горячего копчения, он угощал, такая вкусная!

Примерно часа через полтора еще более вспотевший, но страшно довольный начальник ввел меня в длинную комнату. Посередине она была разделена стеклянной перегородкой. По обеим сторонам перегородки стояли столы с телефонами и колченогие стулья.

Я села за один из столов и стала ждать. Внутри помещения что-то залязгало, и по ту сторону стекла появился невысокий юноша, совершенный мальчишка. Щуплый, с длинными руками. Волосы пострижены коротко, почти брит наголо, в глазах тревога. Одет Роман был в какую-то жуткую черную куртку.

– Кто вы? – без всякого приветствия крикнул юноша, схватив телефон.

В аппарате что-то шуршало и почему-то слышалась радиопередача.

Как можно более осторожно я рассказала ему, что случилось с Катюшей. Рома закрыл лицо ладонями и заплакал. Моментально прибежал конвойный, схватил трубку и рывкнул:

– Кончай над парнем издеваться. Он уже исполняет наказание, а от твоей ругани лучше не станет. Чего передачу не шлешь? Последняя ему в конце марта была. Мамаша!!!

Я объяснила защитнику суть дела. Милиционер присмирел, потом заклацал дверью и поманил меня пальцем. Я вошла внутрь небольшого помещения без окон. Два стула, и все. Через секунду ввели Романа.

– Раз уж такое дело, – тихо пробормотал отрядный, – поговорите спокойно, без стекла, времени вам час. Мы же тут не звери, понимаем все-таки.

Вблизи Рома показался еще моложе, просто испуганный мальчишка с размазанными по щекам грязными потеками.

– Как же так, – растерянно бормотал он, – ведь она совсем вылечилась, веселая приезжала, совсем здоровая, только тошнотой мучилась.

Я еще раз повторила рассказ про капельницу. Паренек вздохнул.

– Все Альберт с Виолеттой – сволочи. Меня посадили, а мама от горя заболела.

– Кто это? И вообще, что ты натворил?

Юноша утерся грязным носовым платком и рассказал совершенно невероятную историю.

После окончания школы он пытался поступить в автодорожный институт, но неудачно. По счастью, армия ему не грозила. В детстве попал под машину, и хирурги ампутировали несколько пальцев на левой ноге. Ходить не мешает, но для службы не пригоден. Рома строился работать агентом в риэлторскую контору. Денег получал немного, но им с мамой, в общем, хватало. Катюша работала швеей, и жили они тихо. Отца мальчишка никогда не видел. Очевидно, жизнь и дальше бы катилась по устойчивому маршруту, но тут появилась Светлана Павловская. Она попросила Рому оказать ей услугу, продать четырехкомнатную квартиру. Вроде дело простое, но на жилплощади прописан человек, который не хочет съезжать.

– Подожди, – спросила я его, – а почему она обратилась к тебе с таким щекотливым, противозаконным делом?

Выяснилось, что Рома учился в одном классе с сыном Светланы Павловской – Игорем. Мальчики дружили, часто бывали друг у друга в гостях. Желая услужить матери приятеля, к тому же обещавшей хорошо наградить помощника, Рома переговорил с начальником. Тот, хитрый, прожженный делец, ухватился за предложение, и в два счета апартаменты продались. Деньги отдали Павловской. Светлана рассыпалась в благодарностях и сообщила, что через неделю даст Роману тысячу долларов. Но через семь дней мальчишка получил совсем другую награду. В восемь утра в их маленькую чистенькую квартирку вломились сотрудники РУОПа. Ничего не понимающего паренька уволокли в Бутырку. Рыдающая Катюша понеслась в милицию. Ее встретил гадко ухмыляющийся следователь по имени Искандер Даудович. Поблескивая маслянистыми глазками и ощупывая сальным взглядом аккуратную Катюшину фигурку, он сообщил ей совершенно невероятную информацию. Светлана Павловская пришла в милицию с заявлением. Женщина сообщала, что Роман Виноградов обманул ее при продаже квартиры. Продать продал, а денег не отдал, все сто тысяч долларов присвоил, оставив ее, Павловскую, на улице, без средств.

Первые несколько дней следователь здорово колотил Рому, чтобы выбить из него признание. Но несчастный парнишка только твердил, что доллары передавал хозяину. Положение усугублялось еще и тем, что отец Светланы Павловской – Альберт Владимирович – был высокопоставленный человек. Доктор наук, профессор, академик. По написанным им книгам училось не одно поколение экономистов. Связей и денег в семье Павловских было предостаточно, не то что у бедной Катюши.

Следствие провернули за две недели. Еще год Рома провел в Бутырке, поджидал суда. Самый справедливый и гуманный в мире вломил парню семь лет с конфискацией имущества. Но когда судебный исполнитель явился к Виноградовым, оказалось, что конфисковывать нечего. Ни золота, ни дорогой бытовой техники, ни машины.

Сто тысяч долларов как испарились. Светлана, рыдая на всех углах, рассказывала, что не получила ни копейки. Но через несколько недель после того, как Рома попал в тюрьму, она купила новую квартиру. И опять, плача, сообщила всем, что деньги, последние деньги, отдал ей папа, неспособный смотреть, как дочь с семьей мучается почти на улице.

С тех пор прошло два года. Бедная Катюша от переживаний получила онкологическое заболевание, абсолютно невиноватый Рома мотал срок, а Павловские купили дачу.

– Они все такие противные, – шмыгал носом рассказчик. – Альберт Владимирович надутый, как павлин. Светлана с виду ласковая-ласковая, просто противно. Муж ее – Валерий – жуткий бабник. А еще есть брат Светланы – Дима, тот просто кошмарный тип. Сама Виолетта Сергеевна ничего. Почему они так поступили, что я им сделал? За что?

– Кто такая Виолетта Сергеевна?

– Жена Альберта Владимировича.

Он высморкался и попросил:

– Дарья Ивановна, оставьте пачку сигарет, а то здесь курево – основная валюта.

Вернулся конвойный и увел Рому. Я вышла в большую комнату, где сидели несколько человек с сумками. В окошке миловидная девушка в военной форме принимала передачи.

– До которого часа работаете?

– В пять закрою, – ласково сообщила блондинка.

– Подскажите, где лучше продукты купить?

– В нашем магазине, – оживилась приемщица. – Дверь рядом с КПП. Очень удобно. Правда, немного дороже. Но если приобретете все в городе, придется разворачивать.

– Как?

– Просто. Конфеты, шоколад, чай, кофе – все россыпью, в простых прозрачных мешочках. А из нашей лавки доставят контингенту в ненарушенной упаковке.

Я согласилась, что так удобней, и двинулась в магазин. Купила большую клетчатую китайскую сумку и стала крушить прилавок. Десять блоков сигарет, два кило бекона, сыр, тушенка, масло...

– Можно только 20 килограмм, – сообщила продавщица, шелкая калькулятором.

Гора продуктов росла, но тут в магазинчик вошли двое в камуфляжной форме.

– Зинулечка, – радостно крикнул один, – взвесь нам этих вкусеньких конфеток к чаю.

И он ткнул пальцем в дешевую «Киевскую» помадку.

– Отстань, – рявкнула продавщица, – видишь, человека обслуживаю! Денежный покупатель, не вам чета.

Мужики присмирели и пристроились возле окна.

Я быстро сказала:

– Пожалуйста, отпустите им конфеты, я никуда не тороплюсь.

Зина вздохнула, выложила на прилавок клеенчатую тетрадь и недовольно осведомилась:

– Сколько вам?

– Нет, нет, – обрадованно сообщили мужики, – заплатим наличными. Взвесь сто пятьдесят грамм.

Близоруко прищуриваясь, продавщица запустила руку с облупившимися ногтями в банку и принялась сыпать на весы неопрятного вида комочки. Она долго крошила одну конфетку, добываясь точного веса. Парни не скрывали радости.

– Зарплату дали, – сообщил один.

– Февральскую, – уточнил другой.

Они прихватили бумажный кулечек и побежали чаевничать. Я ухватила тяжеленную сумку и поволокла сдавать передачу.

На обратной дороге в голове теснились самые разнообразные мысли. Зачем такому человеку, как академик Павловский, преподавателю с мировым именем, растаптывать в пыль мальчишку? А в невиновность Ромы я поверила сразу. Видела их бедненькую квартирку и застиранную кофточку Катюши. Деньгами у Виноградовых и не пахнет. Так зачем засаживать парня? Ох, чует мое сердце, попал бедный Роман как кур в оцип. Надо помочь мальчишке, никого ведь у бедолаги нет, круглый сирота.

Дома я сначала долго мылась в душе, пытаюсь смыть запах колонии. Потом села изучать телефонную книжку. Как подобраться к Павловским? Может, Алена Решетникова поможет? Все-таки закончила экономический факультет и работает в каком-то НИИ.

Алена великолепно знала Альберта Владимировича.

– Заведует лабораторией в нашем институте. Тот еще кадр: спесивый, надменный, злопамятный. Если невзлюбит, пиши пропало. Не остановится, пока вообще из науки не выпрет. Двоих деток родил. Дочурка Светлана – этакая змея в сиропе. Будет тебе в глаза ласково-ласково заглядывать, за руку брать и в вечной любви клясться. Мы на одном факультете с ней учились. Так вот на третьем курсе Светочку крепко избили в туалете. Выяснилось, что она наушничает куратору, тайком отмечает тех, кто пропускает лекции. И зачем ей это было надо? Ну ладно какая-нибудь провинциалка! Той выслужиться хочется, чтобы место в аспирантуре получить да из столицы не уехать. Но Светка! С таким папой! Из любви к искусству действовала. Братик ее, Димочка, на два года моложе. Вот уж где полный караул! Бедненький Альберт Владимирович замучился, все пытался из сынули кандидата наук сделать. Потом, наверное, плюнул и сам написал ему диссертацию. Представляешь, какой цирк на защите вышел! Димочка еле-еле на вопросы отвечает, папуля красный сидит. Ну да бог с ним, жалко больного.

– Кого?

– Диму, он болен.

– Чем?

– Патологическое обжорство.

Я захихикала.

– Нечего смеяться, – сообщила Алена, – на самом деле болезнь такая есть, медицинский диагноз. Дима постоянно ест, весит почти 200 килограмм, а остановиться не может. Говорят, на нервной почве возникает. Еле-еле женили бедолагу. Там вообще семейка – жуть. Один Светкин муженек Валерка дорогого стоит. Самозабвенный бабник, ни одной юбки не пропускает, хотя, если вспомнить про Светку, может, он и не виноват. Одна Виолетта Сергеевна приятная, милая и интеллигентная.

– Можешь меня с ними познакомить?

Алена призадумалась.

– Надо сказать, что ты приехала из Казани и хочешь показать диссертацию.

– Господи, да я же в экономике как свинья в коньяке разбираюсь, и почему Казань?

– Альберт Владимирович родом оттуда и всех казанских привечает. Уж какие только дураки не приезжали, все позацищались. А потом тебя там никто спрашивать не будет. Но только учти, все кандидатки в аспирантки у них сначала домработницами работают.

– Как это?

– Просто. Диссертацию нужно выслужить. Вот и бегают Павловским по магазинам, полы моют, сапоги чистят да еще друг друга локтями отталкивают, чтобы лучше услужить. Подумаешь, годок грязь повыносят, зато потом кандидатская, считай, в кармане.

– А деньги?

– Альберт Владимирович открыто денег не берет, в основном услугами.

– Они что, не платят домработницам?

Алена расхохоталась.

– Дурочка. За что деньги-то давать? Девчонки сами помочь научному руководителю набиваются.

ГЛАВА 4

К Павловским меня пригласили в пятницу.

Уютный кирпичный дом на улице Косякова, домофон, лифтерша, ковровая дорожка на лестнице. Я робко позвонила в дверь и скромно потупилась на пороге, сжимая в руках три потрепанные гвоздики и дешевенькую коробочку конфет. Образ просительницы из Казани дался нелегко. Пришлось специально покупать на вещевом рынке дешевый трикотажный костюмчик, на ноги нацепила жуткие баретки, в которых наша домработница Ирка ходит выбрасывать мусор. В ушах сережки из ближайшего ларька. Отполированный «Вольво» удачно спрятала в соседнем дворе. Можно было еще подушиться «Красной Москвой», но на такой ужас я не согласна даже ради торжества справедливости.

Обитая красной кожей дверь открылась не сразу. Кто-то рассматривал меня в глазок. Потом загремели замки, и на пороге появилась мило улыбающаяся пожилая женщина. Сначала я приняла ее за домработницу, но потом увидела бриллиантовые серьги в ушах и пару дорогих колец на ухоженных руках. Передо мной стояла сама Виолетта Сергеевна.

– Проходите, душенька, раздевайтесь. Наверное, устали, – ласково пропела женщина, указывая на нарядные велюровые тапочки.

Я скинула ужасные туфли, протянула профессорше дары.

– Какой букет! – умилилась та и крикнула: – Алик, посмотри, какие чудесные цветы принесла... Вас как зовут, милочка?

– Даша, – пролепетала я.

– Пойдемте, пойдемте, Дашенька, – обволакивала нежностью старушка, – не надо конфузиться. Альберт Владимирович не кусается.

Из просторной прихожей мы двинулись в холл. В глазах зарябило – повсюду бронза, хрусталь и зеркала. С потолка свисала пудовая люстра, вся в ужасающих подвесках. По стенам там и сям лепились жуткие картины в богатых позолоченных рамах. Мебель обита парчой. В углу торшер в виде негритенка с поднятой рукой. Весь пол устилает огромный серый ковер с кровавыми разводами. Я невольно попятилась, редко встретишь такое варварское великолепие.

Виолетта Сергеевна подумала, что при виде эдакой красоты бедная провинциалка сконфузилась окончательно, и подтолкнула меня в спину. Из двери в противоположном конце холла величаво выплыло светило экономики. Я закусила губу, чтобы не расхохотаться. Больше всего Альберт Владимирович походил на индюшонка. Маленького роста, на коротеньких ножках и с толстым животиком. Он горделиво посмотрел на меня, словно проверяя, произвел ли нужное впечатление, и неожиданно скрипучим, совершенно не преподавательским голосом спросил:

– Вы от Решетниковой? Работу принесли? Алена говорила, что диссертация готова.

Накануне прозорливая Аленка вручила мне довольно объемистую папку со своей диссертацией, защищенной примерно десять лет тому назад.

– Он не догадается? – боязливо спросила я.

Алена замахала руками:

– Никогда, столько времени прошло, и потом, научным руководителем у меня был совершенно другой человек. Так, проглядит по диагонали, велит кое-что исправить. Павловскому главное, чтоб в библиографии все его труды помянули.

– Вдруг разговор заведет на научные темы!

Алена всплеснула руками:

– Прикинешься робкой до невозможности. Провинциалка из Тмутаракани да в гостях у академика, вот язык и отсох. Не волнуйся, насколько знаю Альберта, он сам станет перед тобой соловьем разливаться, обожает поучать и давать советы. От тебя требуется только одно: качай

головой и вздыхай от восхищения. Впрочем, можешь вытащить блокнот и конспектировать нетленные высказывания.

Я протянула ученому работу. Альберт Владимирович повел «аспирантку» в кабинет. Да уж, там было на что посмотреть. От потолка до пола высились полки, забитые роскошными томами в кожаных переплетах с золотым тиснением, наверное, специально переплетать отдавали. Письменный стол – антикварный, красного дерева, на ножках в форме медвежьих лап. Со столешницей размером с небольшой аэродром. Тяжелые бархатные шторы, роскошная кожаная мебель, на полу настоящий туркменский ковер – похоже, ручная работа. Стены украшало несколько совсем неплохих подлинников – Кустодиев, Репин, Левитан. В комнате сильно пахло деньгами. Здесь не скрывали богатства, не стеснялись его. Скорей выставляли напоказ, демонстрируя удачливость. Представляю, как подобный антураж действует на провинциальных теток.

Царственным жестом Альберт Владимирович указал на просторное велюровое кресло. Я попыталась скромно устроиться на краю, но предательски мягкое сиденье прогнулось, и зад утонул в подушке. Коленки задрались чуть ли не выше головы. Академик величаво устроился в вертящемся рабочем кресле, теперь он смотрел на меня сверху вниз. Бог мой, при таких чинах иметь комплекс неполноценности!..

Пухлой наманикюренной рукой светило вяло пролистало содержание папки, заглянуло в библиографию. Потом изрекло:

– Работы предстоит много, в таком виде, конечно, диссертация непригодна. Ни один московский совет не пропустит столь рыхлую работу.

«Уже пропустил, – подумала я, – десять лет тому назад, и ты дал на нее положительный отзыв».

– Но тема интересная, даже актуальная, – продолжал профессор.

Из его рта полились гладкие фразы. Каждое слово в отдельности понятно, но общий смысл ускользает. Вспомнив Аленыны наставления, я вытащила блокнот и принялась с подострастным видом чирикать ручкой. Экономист говорил и говорил, изредка останавливался, поглядывал на большое зеркало, стоящее на письменном столе, и продолжал мудрые речи. К исходу второго часа я хотела пить, курить и писать.

Помощь пришла от Виолетты Сергеевны. Дверь приоткрылась, и профессорша ласково пропела:

– Алик, ты совсем утомил бедную детку. Наверное, ей хочется кофейку.

Доктор наук захлопнул рот, как чемодан, и глянул на супругу. Виолетта поманила меня:

– Пойдемте, пойдемте на кухню.

Потом старушка повернулась к муженьку:

– Милый, пора собираться на заседание ВАК.

– Да, да, – закивал Альберт Владимирович, – что-то я слишком увлекся.

– Совсем себя не жалеешь, – вздохнула жена, – хочешь из каждой диссертации конфетку сделать. Кстати, на экспертном совете сегодня должны утверждать Карташову. Помнишь, какие гадости она говорила про тебя на собрании?

Профессор крякнул:

– Людям свойственна неблагодарность. Но я выше мелкой мести, а голосовать стану против просто потому, что работа отвратительная.

Виолетта удовлетворенно улыбнулась и поволокла меня на кухню. Даже у нашей Ирки нет такого количества электробытовых приборов! На столах и столиках почти двадцатиметровой кухни теснились: тостер, ростер, кофеварка, СВЧ-печка, мясорубка, вафельница, открывалки для банок, ломтерезка, комбайн, миксер... У окна высился гигантский четырехкамерный холодильник «Бош». Тут же помещалась и стиральная машина той же фирмы.

На огромном обеденном столе стояла тарелочка с двумя кусочками сыра. Рядом в изящной корзиночке лежало несколько тоненьких ломтиков хлеба.

– Садитесь, садитесь, милая, – ворковала Виолетта, – кофе или чай?

– Чай, пожалуйста.

Старушка взяла заварочный чайник и плеснула в чашку желтоватой заварки, потом щедро долила доверху кипятком. Поданный напиток Аркадий именует «моча молодого поросенка».

– Пейте, душенька, – радостно предложила профессорша, – чаек свежий, только вчера заваривали.

Я отхлебнула пахнущую веником жидкость и постаралась изобразить восторг. Виолетта Сергеевна села напротив и, оглядывая меня чуть блеклыми голубыми глазками, принялась расспрашивать. Скорей всего в молодости дама подрабатывала в КГБ, потому что интересовалась всем: возрастом, семейным положением, материальным достатком. Я решила рассказать «правду». Живу в Казани, преподаю в автодорожном техникуме. Мужа нет, детей тоже, зарабатываю очень хорошо, целых 400 рублей в месяц. Квартирка собственная, правда, маленькая. Всю жизнь посвящаю науке, преклоняюсь перед трудами Павловского и счастлива, что познакомилась с ним лично.

Виолетта Сергеевна удовлетворенно улыбнулась и пододвинула поближе тарелочку со слегка засохшим сыром.

– Кушайте, кушайте, в Москве просто невозможно пользоваться общепитом, страшно дорого. Кстати, где вы остановились?

– Алена Решетникова познакомила с дамой, которая сдает комнату. К сожалению, там нет телефона.

Профессорша покачала аккуратно уложенной головой:

– Плохо, вдруг срочно понадобится Альберту Владимировичу. Вот что. Вы ведь не торопитесь? Сейчас придет Настя, и я отдам вам ее пейджер.

Где-то через полчаса в кухню вошла молодая темноволосая женщина. Она поставила на пол две огромные сумки и устало произнесла:

– Вот. В прачечную не успеваю, поезд через два часа.

– Притомилась, душенька, – пропела Виолетта Сергеевна, – скоро отдохнешь. Езжай спокойненько домой. Альберт Владимирович разговаривал с ректором, дадут тебе ставку доцента.

Женщина кинулась на шею старушке. Та отступила на несколько шагов и пробормотала:

– Ладно, ладно, лучше не забывай профессора с праздниками поздравлять, а то он так расстраивается, когда аспирантки уезжают, и с концами. У Альберта Владимировича ранимая душа. Помни о нас, а мы тебя не забудем.

– Виолетта Сергеевна, родненькая, – принялась всхлипывать пришедшая, – после того, что вы для меня сделали...

– Ой, прекрати, – замахала руками профессорша, – лучше объясни Дашеньке, что такое пейджер, как он работает.

И она вышла из кухни.

Настя глянула на меня широко поставленными зелеными глазами и поинтересовалась:

– Диссертацию ваяешь?

Я кивнула.

– Чего молчишь, язык от впечатлений потеряла? Ты откуда?

– Из Казани.

– Да, – вздохнула предшественница, – не завидую тебе. Главное, помни: во всем угождай Виолетте и не вздумай хоть копейку из хозяйственных денег утаить. Тут не Алик главный, а она. Что скажет, то академик и делает. Не показывай ему никаких своих работ, будет спрашивать, говори – не привезла.

- Почему?
- Потому. Смотри преданно Алику в глаза и через фразу повторяй – «счастлива работать под руководством такого гения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.